

М. Кивинен

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ СРЕДНЕГО КЛАССА В РОССИИ

Кивинен Маркку — доктор наук, профессор, старший научный сотрудник отдела социологии Финской Академии наук.

«Средние классы» находятся в центре внимания не только российских обществоведов, но и массовых движений, политических партий — националистических, социалистических, либеральных. Программы этих движений, обычно апеллируя к средним классам, ориентированы на их «законопослушность, рассудительность и обязательность», интерпретированным в морализаторском тоне.

Многие российские обществоведы, рассматривая проблему среднего класса, связывают ее в первую очередь с собственностью [1]. В России не было среднего класса собственников, поскольку не было ни независимых фермеров, ни городской мелкой буржуазии. Анализ этих классовых групп — важная задача. Однако, определяя особые характеристики среднего класса в России, важно сопоставлять их с новыми средними классами на Западе. Сегодня большая часть экономически активного населения капиталистических стран — наемные работники, а средний класс — наиболее привилегированная их группа. Ресурсы власти новых средних классов теперь связаны не с собственностью, а с профессиональными навыками и стратегиями. Хотя положение советских средних слоев во многом зависело от их отношения к номенклатуре и партийному аппарату, определять эти группы просто как «служащих номенклатуре» было бы чрезмерным упрощением. Аналогичное упрощение содержится в теории «класса служащих», подчеркивающей лояльность средних классов классу капиталистов [2]. На наш взгляд, первоочередное значение в формировании среднего класса имеют делегированный им авторитет и иные ресурсы власти, основанные на профессионализации.

В социалистической идеологии нет ясной и четкой точки зрения на проблему профессионализации в каком бы то ни было варианте. Как отмечает Т. Парсонс, «эмпирически было почти очевидно, что «ученым профессиям» отводится все более заметное место в современном обществе, тогда как в идеологической постановке вопроса — капитализм против социализма — они не фигурировали вообще» [3, р. 834]. В различных версиях большевистских программ проблематика умственного труда рассматривалась по-разному (эгалитаризм старых большевиков, дискриминация старой интеллигенции, сталинская критика уравниловки и т. д.). Структурирование различных форм умственного труда при советском социализме было результатом исторической борьбы и выбора стратегий. Во

всяком случае оно не может быть сведено к абстрактным понятиям или выступать характеристикой способа производства в целом, как предлагает в своей теории эксплуатации Д. Э. Ремер [4; 5].

Фундаментальные вопросы классовой теории решаются на абстрактном уровне; некоторые специалисты обозначают их как метафизические [6]. Речь идет о критериях классов: следует ли концептуализировать их в терминах собственности, эксплуатации, господства, рыночных способностей, различных форм капитала или, может быть, отчуждения? В чем основополагающие мотивы этого неустанного поиска классовых критериев?

Важно осознавать, что классовый анализ — нечто большее, чем абстрактное постулирование границ между различными классами. Для понимания классового анализа надо ясно представлять себе его структуру в целом [см.: 7]. Хотя в различных школах и традициях нет согласия относительно абстрактных классовых критериев, они все же ставят сходные проблемы и используют сходную аргументацию на конкретном уровне анализа. В частности, большинство исследователей придерживаются мнения, что возникновение новых средних классов тесно связано с профессионализацией и формированием управленческих позиций. Некоторые теоретики принимают в качестве критерия среднего класса занятость в госсекторе; но здесь возникают серьезные эмпирические проблемы [8, р. 238—241]. Дифференциация наемных работников соотносится, с одной стороны, с внутри-организационными властными отношениями, с другой — с профессиональной компетентностью, самостоятельностью в принятии решений (автономией) и образованием. Для выработки классового критерия (по примеру схем, разработанных в проектах Э. О. Райта и Д. Голдторпа) можно комбинировать эти факторы разными способами [9; 10; 11]. Используя такой подход, можно установить сколь угодно большое число классовых групп. Чтобы избежать этого, А. Гидденс [12, р. 107—112], надстраивает веберинское понятие социального класса идеей структурирования — теоретической концептуализацией способа, с помощью которого многочисленные классовые позиции оформляются в несколько конкретных коллективностей, образующих основание классового поведения.

Понятие структурирования, принятое в Финском проекте исследования классов, отличается от предложенного Гидденсом как в отношении критерия классов, так и смыслом структурирования. Если Гидденс начинает с веберинского различения трех типов рыночных способностей (собственность на средства производства, образовательные или технические навыки, физическая рабочая сила), то наша теория основывается на властных отношениях внутри производственных организаций, а также на различении форм умственного труда. Это означает, что те аспекты, которые для Гидденса служат источником непосредственного структурирования, в нашей теории преобразуются в классовые критерии [8, р. 55—57]. В финском проекте классовый анализ представляет собой сложный

многоуровневый процесс. В его основе лежит различие классовой позиции и классовой ситуации. Классовая позиция — это отношения господства в процессе производства. Классовая ситуация соотносится с более конкретными вещами: и воспроизводством жизни (доход, образование, положение на рынке труда), и условиями труда. Таким образом, анализу классового сознания, организации и действия классовых субъектов (классовых формирований) должен предшествовать анализ связей между классовой позицией и классовой ситуацией. Разработка адекватных критериев новых средних классов требует тематизации по меньшей мере следующих процессов: профессионализации; формирования управленческих иерархий; отделения конторской работы от управленческой и соответствующих изменений в самой природе конторской работы; развития обслуживающего труда как особой формы наемного труда и его иерархизации; изменений, произошедших в положении квалифицированных специалистов и в требованиях к их квалификации и, наконец, развития форм организации труда, характерных для малых предприятий.

Основные положения теоретического анализа классов можно сформулировать следующим образом: 1. Анализ внутренней дифференциации наемных работников должен начинаться не с понятия эксплуатации, а с понятия отчуждения [8, р. 50—51]. 2. Отчуждение непосредственно влияет на автономию. Наемный работник, не участвующий в принятии решений относительно инвестиций, организации труда, методов работы и не контролирующей процесс своего труда, отчужден и одновременно поработан социетальными структурами. Автономия — основная цель борьбы наемных работников по поводу организации труда и технологии [13]. Этот классовый критерий основывается не на «абстрактных рассуждениях с высоты», но имеет непосредственное отношение к опыту. 3. Концептуализация проблемы умственного труда не ведет к эмпирическому либо культурному редукционизму, а основывается на понятиях «политики производства» [8, р. 58—72]. 4. Профессионализация предполагает, что новые средние классы обладают специфическими ресурсами власти и имеют собственные стратегические цели. 5. Описание возможных классовых групп вытекает из структурирования классовой ситуации. На этом уровне определяются структурирующее воздействие процессов, лежащих за различными формами автономии, и эффективность соответствующих стратегий.

Если, следуя М. Буравому, провести концептуальное различие глобальной политики и политики производства, становится очевидным, что формирование позиций в системе организации труда нельзя анализировать только на уровне «классов в себе», надо учитывать различные ресурсы и стратегии власти. Ресурсы и стратегии власти, лежащие в основе умственного труда, не сводятся к дихотомии. Кроме умственного труда, порождаемого логикой капитала, и автономии, берущей начало в коллективности рабочего класса, существуют и другие ресурсы власти, которые не могут быть сведены к этим основным категориям. Парадигматическим образцом таких ресурсов и

стратегий власти может служить профессионализация, которую следует считать отправным пунктом в теоретическом осмыслении умственного труда новых средних классов. Однако умственный труд не сводится к той или иной стратегии; он зависит от формирования управленческой иерархии, дифференциации задач капитала.

Многие теории, рассматривающие положение новых средних классов, начинают с какого-либо одного вида умственного труда. Б. Эренрайх и Д. Эренрайх предложили интересную и широко дискутируемую теорию профессионально-управленческого класса: умственный труд используется ими в качестве классового критерия [14]. Они утверждают, что группы наемных работников «среднего класса» — технические работники, управляющие и производители культуры — должны считаться особым классом в системе монополистического капитализма, классом, который антагонистически противостоит рабочему классу.

Согласно Эренрайхам, профессионально-управленческий класс состоит из работников умственного труда, получающих зарплату и не владеющих средствами производства; их основная функция в общественном разделении труда — это «воспроизводство капиталистической культуры и капиталистических классовых отношений» [14, р. 12]. Эта функция может быть явно выраженной — у наемных работников, непосредственно связанных с социальным контролем или идеологическим воспроизводством (учителя, социальные работники, психологи, редакторы и артисты), или же скрытой в процессе производства — у управленцев и администраторов среднего звена, инженеров и других технических работников. Существование данного социального класса предполагает, во-первых, что общественный достаток достиг уровня, позволяющего содержать профессионально-управленческий класс вдобавок к буржуазии, поскольку сама по себе его деятельность не производительна. А кроме того, у класса капиталистов появляется необходимость в социальной группе, специализирующейся на воспроизводстве капиталистических классовых отношений [14, р. 14]. Эренрайхи считают, что умственный труд этого нового класса представляет собой оборотную сторону «атомизации» рабочего класса, фрагментаризации его профессиональных навыков и культуры. С одной стороны, внедрение научного управления и сопутствующее ему разрушение автономии рабочего класса существенно увеличивают число менеджеров. С другой стороны, разнообразные программы реформ, от начальной школы до общественного здравоохранения и социального обеспечения, приходят на смену традиционной взаимопомощи и культуре рабочего класса, когда развитие товарно-денежных отношений разрушает докапиталистические сообщества [14, р. 16].

Таким образом, по Эренрайхам, функции и интересы рабочего и профессионально-управленческого классов имеют антагонистический характер, несмотря на то, что представители и того, и другого вынуждены продавать свой труд классу капиталистов. Рост профессионально-управленческого слоя наемных работников, умственного труда основан на разрушении

традиционных навыков и культуры рабочего класса. Эренрайхи пишут: «Три ключевых процесса развития — реорганизация процесса производства, возникновение массовых институтов общественного контроля, проникновение различного рода удобств в жизнь рабочего класса — не просто «развиваются»; они требуют усилий более или менее сознательных агентов» [14, р. 16].

Отношения контроля составляют сущность контактов между профессионально-управленческим и рабочим классом: преподаватель и студент, управляющий и рабочие, социальный работник и клиент и т. д. Субъективная сторона этих контактов — сложное соединение враждебности и обособленности со стороны рабочих и презрения и покровительства — со стороны профессионалов и управленцев» [14, р. 17]. Предпосылки стабильности и автономности в положении профессионально-управленческого класса заложены в коллективном действии, — полагают Эренрайхи. Характерная форма его самоорганизации — профессия. Сюда включаются также и ожидания этого класса, и требования, необходимые для обоснования таких ожиданий перед другими классами общества. Речь идет о специальных знаниях, получаемых в результате продолжительного обучения; определенных этических стандартах, подразумевающих и призывание к общественной службе; определенной степени независимости от внешнего вмешательства в профессиональную практику [14, р. 26].

Эренрайхи фактически сводят умственный труд профессионалов и управленцев к бесчеловечному контролю, а традиционные ценности рабочего класса представляют в качестве его противоположности. Но не имеет ли профессионально-управленческий труд и «цивилизующих результатов»?

В нынешней России ставятся задачи воссоздать систему здравоохранения, современную, экологически оправданную технологию, перестроить образование и культуру, модернизировать транспорт и коммуникации [15, р. 170—171]. Ни одна из этих задач не может быть решена без профессиональных навыков.

Анализ Эренрайхами разрушения традиционных навыков и культуры рабочего класса имеет много общего с утверждением о том, что советское общество было в высшей степени атомизировано. Для Эренрайхов такое состояние возникает в результате формирования профессионально-управленческого класса. В советском обществе причина кроется во вмешательстве государства и партийного аппарата в дела общества.

Ни один из трех процессов, отмеченных Эренрайхами, не проходил в советском обществе точно так, как и в капиталистических системах. Процесс производства был организован в тейлористском духе, но экономика дефицита способствовала сохранению своего рода «ограниченной автономии», которая сопровождалась низким уровнем интенсивности труда. Такой тип автономии образуется, когда необходимо постоянно приспосабливаться к неадекватным производственным технологиям [16, р. 314]. Становление массовых институтов социального контроля модифицировалось

контролем со стороны партии. Однако вряд ли партия могла выступать против профессионального контроля на уровне повседневной жизни. Скорее, в этом плане рабочему классу противостояли как управленцы и профессионалы, так и партийные бюрократы, образовывавшие на локальном уровне более или менее единую элиту. А контроль и проникновение товарных отношений в повседневную жизнь ограничивались неформальными структурами [17]. Есть основания полагать, что утверждение о полной атомизации рабочего класса преувеличено. Можно предположить, что традиционный образ жизни рабочего класса и его культура в России сохранились в большей степени, чем на Западе.

Однако в России использование ресурсов власти, предоставляемых профессионализацией, более ограничено. В действительности здесь никогда не было рынка профессий. Профессии функционировали внутри основных бюрократических организаций. Западные профессионалы, по крайней мере, имеют возможность выбирать, заниматься своей работой временно или постоянно. Многие профессии, которые в развитых капиталистических странах функционируют на солидном и крепком основании (например, юристы), в Советском Союзе вообще не имели подобного рода прочной основы; партийный аппарат постоянно вмешивался в профессиональную практику, оформляя и направляя ее. Многие другие профессии находились не в менее зависимом отношении к доминирующей идеологии. Хороший пример в этом смысле являет профессия социолога. Кроме собственно профессионалов здесь были и так называемые фальшивые профессионалы, их «профессионализм» проистекал из положения в партии или из «организационного капитала» [18]. Возможности вести публичную борьбу за профессионализацию были здесь очень ограниченными. Очевидно, контроль за «производством производителей» у советских профессионалов также был незначителен. Это отразилось и на соотношении женщин и мужчин в отдельных профессиях.

Традиционный образ мышления и этос русской интеллигенции были далеки от профессионализма. Ее деятельность заключалась не в специализированном труде (ремесле), а в бесконечных разговорах о возвышенных идеях, благородных целях и будущем России [19; 20]. Кроме того, интеллигенция испытывала всепоглощающее чувство вины перед «народом». «Традиционная роль русской интеллигенции — выступать от имени нации и всего общества против недемократического государства, защищать интересы угнетенных слоев, а не свои собственные, осмысливать свою деятельность в тесной связи с борьбой за демократию. Это те моральные принципы, которые сплотили интеллигенцию в единое целое» [15, p. 58].

Профессионализм был чем-то вторичным и для «собственной интеллигенции», созданной в сталинскую эпоху. Русский социолог Н. Козлова утверждает, что новая интеллигенция рекрутировалась из вчерашних полуграмотных, провинциальных уличных агитаторов, которым были незнакомы интеллектуальная рефлексивность и скептицизм. Помесь народной смекалки и прагматической психологии породила глобальное упрощение

социальных, экономических, политических и художественных форм деятельности. Все это не похоже на западный вариант формально-бюрократической рациональности [21].

Отношения между управленцами и профессионалами в Советском Союзе были менее напряженны, чем в капиталистических странах. При капитализме инженер и менеджер никогда не могут достичь статуса профессионала в собственном смысле этого слова, поскольку зависят от рынка товаров, от конъюнктуры, равно как и от форм контроля над нижестоящими группами. В плановых экономиках положение менеджеров зависит от выполнения планов, а их самостоятельность ограничена контролем министерства, с одной стороны, и партии — с другой. В ответ менеджеры усиливают свою профессиональную идентичность. На практике, однако, это означает идентификацию менеджеров с интеллигенцией. Само сознание управленцев, преодолевающее границы бюрократии и отдельных предприятий, только начало развиваться с переменами конца 80-х годов [22, р. 144].

Основу новых средних классов составляют наемные работники, представляющие профессиональные, связанные с капиталом, и научно-технические типы автономий, независимо от их управленческих функций, а также те, кто выполняет управленческие функции в конторской работе. Те, кто занят исполнительским конторским трудом с некоторой долей автономии, а также мастера, обслуживающий персонал и работники малых предприятий, обладающие автономией, образуют группу с противоречивым классовым положением — посередине между ядром новых средних классов и рабочим классом. В классовой ситуации этих групп можно найти черты, характерные как для ядра новых средних классов, так и для рабочего класса. Наконец, внутри этих типов автономий занимающие управленческие посты находятся ближе к ядру нового среднего класса. Они составляют 27% занятого населения — этот показатель практически не отличается от численности данной группы в населении ряда других развитых стран (табл. 1).

Таблица 1

Соотношение мужчин и женщин в различных социальных классах, % *

Социальное положение	США	Швеция	Норвегия	Канада	Финляндия	Россия
Ядро новых средних классов	25	20	27	27	23	27
мужчины	33	24	35	32	29	32
женщины	18	14	16	20	16	25
Периферия новых средних классов	23	30	25	24	31	25
мужчины	24	28	23	24	31	23
женщины	23	33	28	24	32	27
Рабочий класс	51	50	48	49	46	48
мужчины	44	48	42	44	40	45
женщины	59	53	56	56	52	50
Всего, абс.	1504	1037	1491	1467	790	1458

* Данные «Сравнительного исследования классовой структуры и классового

сознания» (Руководитель Э.О. Райт) [9, 10]. Сведения по России основаны на репрезентативной для европейского региона выборке и собраны весной 1991 г.

Структурная особенность России заключается в относительно высоком удельном весе женщин в составе ядра нового среднего класса — в два раза выше, чем, например, в Швеции и на пять процентных пунктов выше, чем в Канаде. Зато доля женщин в российском рабочем классе — самая низкая из шести сравниваемых стран. Общая тенденция — снижение доли женщин по мере роста требований к профессиональной квалификации и соответственно социального статуса — в России выражена слабее, чем в Европе и Америке. Вероятно, это следствие характерной для дореформенной России высокой занятости женщин, особенно на должностях средних служащих.

Доход представителей нового среднего класса в России на 44% больше, чем доход рабочих (табл. 2). В США это различие составляет 85%, в Канаде — 90%, в других странах — от 54 до 66%. Очевидно, в распределении доходов Россия сохраняет эгалитарную традицию, хотя общие структурные соотношения повторяют известные параметры социальной дифференциации. Во всех классовых группах наблюдаются существенные различия в доходах мужчин и женщин, причем максимальные различия свойственны периферии среднего класса, тогда как вариация в его ядре и рабочем классе примерно одинакова: 46 и 42 процентных пункта. Это свидетельствует, скорее всего, о неоднородности периферийных групп, включающих традиционно женские профессии (в России — прежде всего сфера торговли и обслуживания).

Таблица 2

Зависимость доходов наемных работников от их социального положения и пола. Доход рабочих принят за 100%

Социальное положение	США	Швеция	Норвегия	Канада	Финляндия	Россия
Ядро новых средних классов	185	154	162	190	166	144
мужчины	211	175	177	220	190	165
женщины	133	110	117	129	130	119
Периферия новых средних классов	131	115	121	129	121	125
мужчины	169	141	149	159	138	165
женщины	88	85	85	93	102	95
Рабочий класс	100	100	100	100	100	100
мужчины	127	115	120	126	116	123
женщины	75	82	77	75	89	81

Доля женщин в основных социальных группах и дифференциация доходов являются важными структурными переменными. Однако дело этим не ограничивается. Анализ классовой ситуации предполагает переменные субъективного ряда, в том числе установку на учебу, религиозность, отношение к борьбе за свои интересы и т. п. Вариация данных переменных между ядром нового среднего класса, периферией нового среднего класса и рабочими относительно невелика за исключением, пожалуй, низкой доли лиц, занимающихся

постоянно контролируемой работой, в ядре нового среднего класса и высокой — в рабочем классе (табл. 3). С другой стороны, 33 процентных пункта — не очень большая вариация, ведь интенсивность контроля являлась критерием различения самих классовых групп. По остальным показателям новый средний класс близок к рабочим: подавляющее большинство и тех и других никогда не участвовали в борьбе за свои интересы, 61% рабочих и 72% представителей ядра среднего класса довольны работой, от 81 до 86% считают государство ответственным за обнищание. В целом можно считать, что социальной структуре занятого населения России присуща определенная однородность.

Таблица 3

Некоторые социологические характеристики обследованных отдельно по социальным классам, %

Социологические признаки	Ядро новых средних классов	Периферия новых средних классов	Рабочий класс
Имеют специальную подготовку	80	77	67
Выражают желание учиться	50	41	25
Выполняют ежедневно контролируемую работу	12	28	45
Выполняют не поддающуюся контролю работу	29	25	13.
Удовлетворены работой	72	66	61
Не участвовали в борьбе за свои интересы	89	85	94
Религиозны	22	28	35
Считают нужным привлекать работников к внедрению новых технологий	48	45	27
Считают нужным участие работников в принятии решений	48	40	30
Считают неизбежным разделение работников на специалистов и исполнителей	72	74	70
Считают государство ответственным за обнищание народа	81	88	86

В числе переменных, обнаруживающих существенную дифференциацию по странам,— возможность профессиональной карьеры. Наибольший удельный вес тех, кто считает возможным свой должностной рост, обнаруживается среди представителей нового среднего класса и рабочих в США (табл. 4). Несколько ниже значения данного признака у финнов и канадцев. Если принять ответ на вопрос о возможностях карьеры в качестве индикатора успеха, то наиболее преуспевают в этом отношении США, Финляндия и Канада. Швеция, Норвегия и Россия характеризуются относительно низкими возможностями должностного продвижения работников, то ли потому, что в этих странах действительно трудно повысить свой профессиональный статус, то ли шведы, норвежцы и русские не придают большого значения карьере. В каждой стране ядро среднего класса

характеризуется большими возможностями продвижения, но особенность России в том, что даже успешная карьера не приносит дополнительных благ: как говорится, здесь не из-за чего потеть. Этим Россия отличается от капиталистических стран.

Таблица 4

Зависимость удельного веса положительно, оценивающих возможности продвижения в должности от социального положения, %

Социальное положение	США	Швеция	Норвегия	Канада	Финляндия	Россия
Ядро новых средних классов	38	13	16	29	34	12
Периферия новых средних классов	33	6	9	22	35	10
Рабочий класс	31	4	7	22	26	5

Одним из следствий слабой социально-классовой дифференциации в России является недостаточная выраженность классового самосознания, стремления защищать свои интересы. В целом представители среднего класса проявляют большую инициативу и готовность к действию, чем рабочие, уровень классовой консолидации которых невысок.

42% рабочих в России хотели бы заняться собственным бизнесом (табл. 5). Эта цифра не существенно отличается от удельного веса таких людей в составе среднего класса. Аналогичным образом социально-структурные признаки практически не влияют на желание иметь свой бизнес и в странах Северной Европы, и в Канаде, и в США. Общая установка на предпринимательство выше всего в США: 58—61%.

Таблица 5

Зависимость установки на экономическую самостоятельность от социального положения, %

Социальное положение	США	Швеция	Норвегия	Канада	Финляндия	Россия
Ядро новых средних классов	58	42	23	55	30	46
Периферия новых средних классов	60	38	24	46	31	50
Рабочий класс	61	40	25	46	26	42

Каковы пути дальнейшего развития средних классов в России?

Ответ на этот вопрос определяется перспективой формирования «профессий» как социального института, связанного с предпринимательством. Как мы отмечали, Россия не знала раньше профессиональной деятельности. Во всех постсоциалистических обществах отношения между государством и частным сектором экономики станут, вероятно, определяющим фактором развития социальной структуры. По мнению Т. Кокса [23], помимо формирования предпринимателей в бывших социалистических странах, важную роль в социальных изменениях сыграет «третья экономика», которая частично пересекается и с государственным, и с частным сектором. В такой

ситуации классовая структура становится мобильной: люди перемещаются из одного сектора в другой и часто работают в разных секторах одновременно. Например, высококвалифицированные профессионалы из государственного сектора вынуждены подрабатывать и в частном секторе. Поэтому в нынешней России возникает множество новых классовых позиций — неоднозначных и противоречивых. На Западе же именно «государственные» профессионалы обладают относительной властью и влияют на осуществление радикальной и социал-демократической политики.

Сказанное не означает, что интересы ядра новых средних классов находятся в антагонистическом противоречии с интересами капитала. Прежде всего они стремятся сохранить социальное значение умственного труда. В этом смысле их интерес согласуется с капиталистическим развитием, в ходе которого усиливаются различия между «мыслительной» и исполнительской деятельностью. Укрепление дифференцированных образовательных структур, воспроизводящих особого рода знания и «замыслы», непосредственно не связанные с процессом труда, соответствует основным интересам групп среднего класса [24].

Несомненно, ядро новых средних классов в России будет стремиться подчинить образовательную систему контролю профессиональных организаций. С другой стороны, изменчивость классовой структуры, сохранение старых экономических отношений на уровне предприятий [25], близость средних классов к классу рабочих создадут предпосылки для становления иных, чем на Западе, отношений между профессионалами и рабочими.

Литература

1. Zaslavskaya T. I. Socialism, perestroika and public opinion // VSociological Research. 1992. N 4.
2. Goldthorpe J. On service class, its formation and future // Social class and the division of labour // Ed. by A. Giddens, G. Mackenzie. Cambridge: Polity, 1982.
3. Parsons T. On building social system theory: A personal history // Daedalus. 1970. N 4.
4. Roemer J. E. A general theory of exploitation and class. Cambridge (Mass.): Ballinger, 1981.
5. Blom R., Kivinen M. Analytical marxism and class theory // Organization theory and class analysis: New approaches and new issues // Ed. by S. R. Clegg. Berlin: Campus, 1990.
6. Sulkunen P. The European new middle class. Sydney: Aldershot & Brookfield, 1992.
7. Blom R., Kivinen M., Melin H., Rantalaiho L. The scope logic approach to class analysis. ydney: Aldershot & Brookfield, 1992.
8. Kivinen M. The new middle classes and the labor process: class criteria revised. University of Helsinki; Department of Sociology: Research Reports 223. Helsinki, 1989.
9. Wright E. O. Class, crisis and the state. London: Verso, 1978.
10. Wright E. O. Classes. London: Verso, 1985.

11. Goldthorpe J. Social mobility and class structure in modern Britain. Oxford: Basil Blackwell, 1980.
12. Giddens A. The class structure of the advanced societies. London: Macmillan, 1973.
13. Kortteinen M. Kunnian kenttä. Tampere: University of Tampere Press, 1992.
14. Ehrenreich B., Ehrenreich J. The professional-managerial class // Between labor and capital / Ed. by P. Walker. Boston, 1979.
15. Kagarlitski B. Hajonnut monopoliiti. Helsinki, 1992.
16. Burawoy A., Lukas J. Mythologies of work: A comparison of firms in state socialism and advanced capitalism // American Sociological Review. 1986. N 6.
17. Srubar I. War der Reale Socialismus modern? Versuch einer structurellen Bestimmung // Kölner Zeitschrift für Sociologie und Socialpsychologie. 1991. N 3.
18. Shlapentokh V. Soviet intellectuals and political power: The post-Stalin era. London: Westview Press, 1990.
19. Levin M. The making of the soviet system. New York, 1985.
20. Bauman Z. Intellectuals in East-Central Europe: continuity and change // In search of Central Europe / Ed. by G. Schifflin, N. Wood. Cambridge: Basil Blackwell, 1989.
21. Козлова Н. Н. Упрощение — знак эпохи // Социологические исследования. 1990. № 7.
22. Melin H. Liikkeenjohdon uudet tuulet itaisessa naapurissamme. Tampere: University of Tampere Press, 1993.
23. Cox T. Structural barriers to market reform in Eastern Europe: Paper presented at the Annual conference of the British Sociological Association. University of Kent, April 6—9, 1992.
24. Lash S., Urry J. The end of organized capitalism. Cambridge: Polity Press, 1987.
25. Clarke S. Privatization and the development of capitalism in Russia // New Left Review. 1992. N 196.

Перевод С. П. БАНЬКОВСКОЙ